

РАЗДЕЛ 4
КУЛЬТУРА, НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ:
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ

DOI 10.30792/ 978-5-7925-0521-6-2018-188-189

Гарри Ирина Регбиевна
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
irina.garri@imbt.ru

БУРЯТИЯ КАК ПРОСТРАНСТВО СХОЖДЕНИЯ КУЛЬТУР¹

В статье Бурятский регион рассматривается в качестве своеобразного «пространства схождения», где российская, монгольская и тибетская культуры сосуществуют, конкурируют, смешиваются и синтезируются на основе автохтонной бурятской культуры.

Ключевые слова. Бурятия; монгольский мир; буддийская цивилизация; бурятская культура.

Garri Irina Regbievna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

BURYATIA AS A CULTURAL CONVERGENCE ZONE

The article analyses Buryatia as a specific convergence zone in which Russian, Mongolian, and Tibetan cultures co-exist, compete, mix and synthesize on the base of the autochthonous Buryat culture.

Keywords. Buryatia; Mongol worlds; Buddhist civilization; Buryat culture.

Отличительной чертой положения Бурятии является ее местонахождение на далеких окраинах России, монгольского, китайского и буддийского миров, что располагало бурят к сложной самоидентификации. Они чувствовали себя причастными к различным политико-географическим и культурным контекстам: Сибири, России, монгольского мира, Центральной Азии и буддийской цивилизации [Амоголонова, 2005, с. 20].

Для определения существа идентификационной проблемы бурят хорошим подспорьем служит теория маргинальности Адама Вейсбергера. На примере евреев Германии он отмечает, что «маргинальные люди и группы» переживают «двойную амбивалентность»: в отношении своей собственной и в отношении доминирующей культур. Эта амбивалентность, по его мнению, порождает у них различные стратегии: ассимиляции, погружения в собственную, пребывания (в амбивалентности) и выход (*transcendence*). Последняя «представляет попытку преодолеть противостояние двух культур через создание третьего пути, который предполагает выход (за их рамки) или их примирение» [Weisberger, 1992, p. 429–430]. Эта мысль Вейсбергера является очень важной для осмысления бурятских перспектив. По мнению Веры Тольц, «те люди, которые выбирают эту стратегию, делают связи между центром и перифериями империи многонаправленными, глобализируя мир, в котором они живут» [Tolz, 2015, p. 727]. Она считает, что таким человеком был лидер бурятского национального движения Цыбен Жамцарано.

Действительно, Жамцарано и его сподвижники в лице Базара Барадина, Гомбожапа Цыбикова, Михаила Богданова и Агвана Доржиева относились к числу той немногочисленной прослойки бурят, которые имели равное отношение к обеим культурам: своей собственной и российской имперской. В то время как первые четыре получили европейское образование в Санкт-Петербургском университете, последний имел классическое буддийское образование в тибетской традиции.

Как никто другой среди своих соплеменников они прекрасно осознавали маргинальность положения бурят на перекрестке больших культур и всю свою жизнь посвящали тому, чтобы буряты обрели свое достойное место среди них. Будучи представителями российской государственности, они отводили бурятам роль авангарда просвещенной Европы в родственной Азии, посредника в продвижении глобальных геополитических проектов российской империи. Вместе с тем, представляя бурятскую элиту, имевшую глубокое всестороннее образование, они в отличие от своих оппонентов считали, что путь автономии бурят в составе России должен строиться на основе сохранения своих национальных традиций: бурятского языка, основанного на монгольской письменности, системы бурятских родов как культурной основы бурятского образа жизни и буддизма как национальной религии бурят.

Несмотря на то, что вся передовая элита бурят погибла в сталинских репрессиях 1937-1938 гг., и интеграция бурят в составе СССР происходила по ассимиляционному пути, идеи Цыбена Жамцарано и его соратников продолжают оказывать огромное влияние на современный дискурс бурятского национализма. Кем являются сегодня буряты: людьми с собственно бурятской и российской идентичностью или они являются, в первую очередь, частью общемонгольского мира? Есть ли у бурят своя собственная буддийская традиция или она является лишь частью тибетского буддизма под патронажем тибетских буддийских иерархов? – эти вопросы остро дискутируются в настоящее время на публичной арене республики и в блогосфере.

Думается, население республики в целом отдаст себе отчет в том, что продолжение ассимиляции, в полной мере испытанной бурятами, – это путь к исчезновению нации, а успокоение в традиции – это возврат в прошлое, который неосуществим. В то время как стратегия «выхода за рамки», отстаиваемая Жамцарано, – это реальный инструмент для создания пространства

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.3 «Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии», № АААА-А17-117021310263-7).

возможностей для самореализации бурятской нации в контексте современной цивилизации.

Тибетский ученый Тензин Жинпа, рассуждая о схожем положении тибетцев на сино-тибетском приграничье, предлагает концепцию «пространства схождения» (*convergence zone*). «Даньба и Гьяронг, – пишет он, – могут рассматриваться не только в качестве периферии как для ханьцев, так и для тибетцев, но и как зона схождения, где китайский и тибетский народы и культуры соединяются, взаимодействуют, соревнуются, смешиваются и сосуществуют. Это места, где местные люди не просто инкорпорируют различные элементы этих двух народов и культур, но также создают новое пространство для своего выживания, культурного выражения, конструирования идентичности и политического позиционирования» [Jinpa, 2014, p. 7].

Бурятский регион также можно рассматривать в качестве своеобразного «пространства схождения», где российская, монгольская и тибетская культуры сосуществуют, конкурируют, смешиваются и синтезируются на основе автохтонной бурятской культуры. Обращение к последней, в основе которой лежит система бурятских родов, связывает бурят со своими родовыми предками, родной землей и духами священных мест. Российская идентичность отражает политические реалии Бурятии как субъекта РФ, глубокое приобщение бурят к русскому языку и русской культуре. Пан-монгольская и пан-буддийская идентичности отражают транснациональ-

ные аспекты бурятской культуры, их связь с великими предками в лице основателя монгольской империи Чингисхана и харизматическими религиозными лидерами в лице Далай-лам Тибета.

Эта открытость пространства символизируется государственным флагом Республики Бурятия: белая и синяя полосы вызывают ассоциацию с российским флагом, знак соёмбо – с монгольским, желтая полоса свидетельствует о принадлежности бурят к буддийской религии. Создание новых идентичностей в условиях современности иллюстрируют усилия правительства Бурятии по созданию туристического бренда республики, который включает в себя такие маркеры, как озеро Байкал, буддийские дацаны, шаманские святыне места, гуннское городище и захоронения, культура семейских старообрядцев и пр. Хамбо-лама Дамба Аюшеев небезуспешно конструирует пространство, в котором объединяются символы российской государственности, буддийской и традиционно бурятской культуры, как-то: легитимация имперской власти посредством наделения верховной российской власти божественным статусом (Дмитрий Медведев как воплощение покровительницы буддизма Белой Тары), создание культа нетленного тела хамбо-ламы Итигелова в качестве подтверждения избранности и особой духовности бурятского региона, усилия по развитию бурятского языка, спорта и традиционного животноводства.

Литература

Амоголонова Д. Д., Елаева И. Э., Скрынникова Т. Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период). Иркутск, 2005.

Tenzin Jinpa. Eastern Queendom. The Politics of Gender and Ethnicity on the Sino-Tibetan Border. Seattle and London: University of Washington Press, 2014.

Tolz V. Reconciling Ethnic Nationalism and Imperial Cosmopolitanism: The Lifeworlds of Tsyben Zhamtsarano (1880–1942) // *Asiatische Studien*, 69, 3, p. 723–746.

Weisberger A. Marginality and its Directions // *Sociological Forum*, Vol. 7, Issue 3, p. 425–446.